

УДК 343.974

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «АУЕ» В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Тараканов Илья Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета, ВЮИ ФСИН России. Россия, г. Владимир.

E-mail: il8@list.ru

ORCID 0000-0001-7355-1952

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные со спецификой противодействия деятельности международного общественного движения «АУЕ» в исправительных учреждениях. Исследованию подвергаются терминологические и правоприменительные проблемы, связанные с признанием осужденного участником или обладателем символики или атрибутики указанного движения. В результате проведенного исследования сделаны выводы о перспективах совершенствования противодействия указанному движению.

Ключевые слова: международное общественное движение; арестантское уголовное единство; криминальная субкультура; молодежь; идеология; противодействие.

Криминальная субкультура, представляя собой одну из многочисленных разновидностей субкультур современного общества, без преувеличения, является одной из наиболее древних. Достаточно вспомнить о том, что известное выражение «блатная феня» обязано своим происхождением тайному жаргону коробейников-офеней, упоминаемому с XVI века.

Отношение общества и государства к криминальной субкультуре неоднократно изменялось – от организации концертов популярных исполнителей шансона («Воровайки», «Лесоповал», «Бутырка» и т. д.), явно пропагандирующих преступный образ жизни, до привлечения к ответственности за оскорбительные высказывания в отношении представителей правоохранительных органов и пропаганду преступной идеологии.

Фактически наблюдается неоднократная актуализация проблемы противодействия криминальной субкультуре в различные годы, обусловленная процессами, происходящими в обществе. Очередной этап такой актуализации берет свое начало с 2016 года, когда на заседании Совета по правам человека при Президенте РФ деятельность международного общественного движения «АУЕ» («Арестантское уголовное единство») была названа проблемой национальной безопасности, требующей немедленного разрешения [2].

Попытка такого разрешения проблемы была предпринята 17 августа 2020 года, когда Верховный Суд Российской Федерации на основании административного искового заявления Генерального прокурора Российской Федерации признал движение «Арестантское уголовное единство» экстремистским, в связи с чем запретил его деятельность. Отмечалось, что данный запрет позволит эффективно пресекать преступную деятельность его участников, защитить интересы подрастающего поколения, способствовать оздоровлению общества и обеспечить безопасность государства [4].

Следует заметить, что проблема, связанная с «АУЕ», существовала гораздо раньше, чем появилась данная аббревиатура. На это обращает внимание В. Н. Шиханов: «Содержательно идеология АУЕ не является чем-то новым: криминальная романтика в нашей стране известна давно, сложился целый пласт культуры, который смог занять вполне определенную нишу даже в легальном сегменте литературы, эстрады, кинематографа» [7, с. 68].

Запрещение деятельности международного общественного движения «АУЕ» и признание его экстремистским позволило привлекать его представителей к административной и уголовной ответственности.

Идеология «АУЕ» тесно связана со сводом неформальных правил поведения в местах лишения свободы. На это обращают внимание В. Е. Квашиш и А. С. Ильницкий: «Важной особенностью феномена «АУЕ» является идея о неизбежности пребывания в местах лишения свободы, в связи с чем следует к нему подготавливаться: изучать традиции, нормы, обычаи арестантского сообщества и вести соответствующий образ жизни. Концептуальные идеи АУЕ содержатся в своде неписаных правил и норм поведения в воровском сообществе («воровской закон»), а также базируются на тюремных понятиях и нормах пенитенциарной субкультуры... Распространение идей о романтизации криминального образа жизни, ненависти к сотрудникам правоохранительных органов, неотвратимости приобщения к пенитенциарным учреждениям в виртуальном пространстве формируют установки, направленные на реализацию преступного поведения, укрепление тюремной субкультуры, продуцирование общеуголовной преступности» [3, с. 28]. В связи с этим противодействие деятельности международного общественного движения «АУЕ» подразумевает проведение профилактической работы с осужденными, находящимися в местах лишения свободы, выступающими в качестве своеобразных идеологов, координаторов, лидеров движения.

Однако противодействие идеологии «АУЕ» в исправительных учреждениях связано с рядом проблем как терминологического, так и правоприменительного характера.

Так, сама аббревиатура «АУЕ», ставшая названием запрещенного движения, ранее использовалась осужденными в качестве своеобразного приветствия или обозначения принадлежности к криминальной идеологии. На это обращает внимание Е. З. Сидорова, подчеркивая, что рассматриваемая аббревиатура сохраняла смысл и понимание лишь для самих осужденных, являясь, по сути, способом тайного общения, поскольку у человека, не имеющего отношения к местам лишения свободы, отсутствовало понимание их языка [6, с. 128]. В связи с этим возникает вопрос допустимости привлечения лица к ответственности за высказывание приветствия указанным выше способом.

В качестве символики и атрибутики международного общественного движения «АУЕ» Верховный Суд РФ называет такие известные в криминальном мире татуировки, как изображение «розы ветров», пауков, оскаленной звериной пасти, эполет. Однако при этом следует заметить, что все эти изображения возникли задолго до первого упоминания об указанном движении. Так, подключичные звезды, подобные «розе ветров», описал в своем альбоме татуировок ветеран МВД СССР Д. С. Балдаев [1, с. 65–67]. Без сомнения, наличие таких татуировок у осужденного свидетельствует о его негативном отношении к нормам права, труду, правоохранительным органам, однако этого недостаточно, чтобы признать его представителем движения «АУЕ».

Часть 1 статьи 20.3 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Подразумевается, что наличие у осужденного на теле

вышеупомянутых татуировок позволяет говорить о демонстрации их другим осужденным.

Однако согласно статье 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под символикой экстремистской организации понимается символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Следует учесть, что, несмотря на судебный запрет деятельности международного общественного движения «АУЕ», достоверная информация о наличии у данного движения каких-либо учредительных документов, в том числе закрепляющих определенные символы или атрибуты, отсутствует. В результате представляется невозможным отождествление какого бы то ни было изображения с символикой или атрибутикой признанного экстремистским движения «АУЕ».

Часть 1 статьи 282.4 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, если эти деяния совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Речь идет об административной преюдиции, которая в последние годы активно применяется при формулировании статей Особенной части УК РФ (к примеру, статьи 116.1, 151.1, 157, 158.1, 282 УК РФ и др.). Однако, в случае признания татуировки на теле осужденного относящейся к символике или атрибутике экстремистской организации (а, следовательно, факта демонстрации этим осужденным этой татуировки другим осужденным), возникает ситуация, при которой данному осужденному практически не избежать уголовной ответственности по вышеуказанной статье. Дело в том, что избавиться от татуировки самостоятельно представляет собой значительную трудность, особенно в условиях лишения свободы. Кроме того, осужденный может не воспринимать данную татуировку как символику или атрибутику «АУЕ», в связи с чем выражать несогласие с ее удалением. В результате возникает вопрос об обоснованности привлечения дважды – вначале к административной, а потом и к уголовной ответственности – за фактическое обладание татуировкой.

Еще одна проблема заключается в том, что «АУЕ» позиционируется как молодежное движение, основу которого составляют несовершеннолетние. Однако следует заметить, что осужденные, обладающие татуировками, которые предположительно указывают на связь их обладателя с «АУЕ», в своей основной массе, как правило, гораздо старше молодежного возраста. В связи с этим отождествлять их с участниками молодежного движения видится как минимум странным. Довольно резко по этому поводу высказывается А. А. Семочкина, отмечая, что субкультура «малолетних недопреступников» является чуждой даже для криминального мира, а ее носители в глазах взрослых осужденных выглядят «беспредельщиками» [5, с. 157].

В заключение следует отметить, что противодействие криминальной субкультуре в целом и деятельности международного общественного движения «АУЕ» в частности является важной задачей современного государства. Однако такое противодействие, в том числе и в форме привлечения к различным видам ответственности, должно распространяться на тех осужденных, которые своим поведением явно свидетельствуют о принадлежности к рассматриваемому движению. Признавать же участниками «АУЕ» осужденных лишь на основании обладания ими татуировками, нанесенными задолго до первого упоминания данного движения, представляется несправедливым и необоснованным.

Список литературы

1. Балдаев Д. С. Татуировки осужденных: альбом. – СПб: Лимбус Пресс, 2001. – 168 с.
2. Верховный суд признал экстремистской организацией уголовную субкультуру АУЕ // «Ведомости» – ведущее деловое издание России. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/17/836930-ekstremistskoi-aue> (дата обращения: 11.09.2022).
3. Квашиш В. Е., Ильницкий А. С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 26–31.
4. По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56759800> (дата обращения: 11.09.2022).
5. Семочкина А. А. АУЕ – как фактор криминализации несовершеннолетних и их активного противопоставления государству и обществу // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 6. – С. 154–158.
6. Сидорова Е. З. Экстремистское молодежное движение А.У.Е. как угроза криминологической безопасности системы образования // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 4 (60). – С. 127–130.
7. Шиханов В. Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 1 (92). – С. 68–73.